

ФОРУМ

Я работаю в «ЖурФАКТАХ» потому, что...

Я работаю в «ЖурФАКТАХ», потому что быть главным редактором уже на четвертом курсе – здорово! Конечно, это огромная ответственность и тысяча дел: придумать тему номера и рубрики, раздать журналистам задания, потом разыскивать нерадивых и выписывать премии ответственным, разместить на полосах материалы и проследить за тем, чтобы к ним были фотографии, вычитать газету, распечатать, раздать на кафедры и в группы... Но вместе с этим здорово своими руками и головой создавать новое издание: собираться всей редакцией и обсуждать темы, материалы, новые проекты и идеи. А потом перелистывать номер, зная там каждую строчку, и гордиться своими журналистами, тем, что все получилось.

Я работаю в «ЖурФАКТАХ», потому что это отличная возможность проявить себя и хороший повод быть чутьчку нескромной. ;)

Наталья КУХАРЧИК

с.16

Раследование «ЖурФАКТАЙ»

«таямніца»
Пятра
Васільевіча
Васючэнка

с. 6-7

Новая рубрика:
спор-площадка
М или Ж:
с. 8 битва полов

ВНИМАНИЕ!

В следующем номере
«ЖурФАКТОВ»

обсуждаем практику.

Ваша практика прошла ярко,
интересно и необычно? А, может,
вы целый месяц потратили зря и
остались ею недовольны? Хотите
об этом написать?!

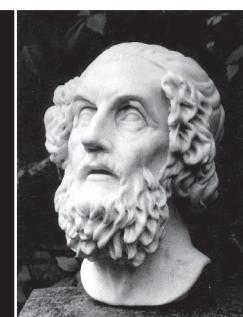
Наш адрес: zhurfakty@tut.by и
телефон: +375 (29) 88-676-44.
ДАВАЙТЕ делать газету ВМЕСТЕ!

Мастер-класс:
СЧЕГО
начинается
радио

Татьяна Ивановна ПРАНОВИЧ:
о себе, о семье и...
о Гомере

с. 14-15

Современные тенденции англоязычных СМИ

Именно под таким названием в сентябре в нашем Институте прошли семинары для сотрудников и студентов факультета повышения журналистских кадров. Занятия провела кафедра английского языка и речевой коммуникации.

К сожалению, желающих ознакомиться с особенностями зарубежной прессы было немного, должно быть, потому, что семинары оказались платными. Но небольшое количество людей никак не отразилось на качестве занятий: все прошло в непринужденной обстановке под руководством преподавателей Натальи Корзюк, Ольги Лущинской и Павла Соловьева.

Сначала весь материал мне казался очень знакомым, потому что повторял занятия на наших парах английского языка. Но подача материала значительно отличалась. То, что кажется нам сложным или даже ненужным, здесь оказалось увлекательной и полезной работой. К примеру, все мы хорошо знаем отличия между «желтой прессой» и так называемой «качественной». А, оказывается, есть еще новый формат – «берлина». И с течением времени происходит комбини-

рование серьезных тем с легкими в одном издании.

Что касается рассмотренных типологии, терминологии, языковых и жанровых особенностей англоязычных СМИ, то этот материал оказался более интересным в детальном изучении.

Пожалуй, самой актуальной темой была Web-журналистика и электронные англоязычные СМИ. В качестве практической работы участникам было пред-

ложено сравнить сайты белорусских газет с английскими и американскими версиями. Причем учитывались не только дизайн или внешнее оформление (что, безусловно, имеет отличия), а, в первую очередь, всевозможные виды приложений: RSS, мобильная версия сайта, различия PDF-версии газеты у «нас» и у «них» и другие. К сожалению, во всем этом пока мы сильно отстаем. И дело не только в «оболочке» сайта, но и в его контенте: за рубежом сайт ни в коем случае не должен копировать свою газету. А чем мы хуже?

В завершающий день участники показали все, чему научились за этот небольшой курс. К примеру, одна девушка сделала небольшую презентацию электронной версии немецкого журнала. Оказалось, что работают там совсем по-другому, но мы почему-то ничего этого не изучаем. А ведь есть еще много стран со своей особенной прессой, у которых можно многому научиться.

Конечно, стоит проводить такие семинары гораздо чаще. И в первую очередь для нас, студентов журфака. На парах английского нам не дают той информации, которую можно было получить на этих семинарах.

...Если верить новейшей концепции Web-журналистики, то ей на смену придет мобильная журналистика. А будущее работы редакторов под сомнением.

Алексей КОВАЛЕВ

Кураторский час

Сдав последний экзамен, я с облегчением вздохнула и решила на следующий день ничем не заниматься, кроме как смотреть телевизор и лежать в кровати, радуясь долгожданным каникулам. На одном из телеканалов корреспондент говорил о вступительной кампании, которая вот-вот должна была взбудоражить большое количество абитуриентов. Улыбнувшись мысли о том, что для меня это все осталось в далеком прошлом, я вспомнила мандраж, страх и сомнения, преследовавшие меня на протяжении двух месяцев поступления в БГУ. Все закончилось благополучно, но мысли о новой жизни не давали покоя вплоть до начала учебы. А там как раз и начались самые большие проблемы.

Придя в первый раз в корпус на Московской, я, довольно стеснительный человек, боялась знакомиться со своими будущими однокурсниками. Но уже к концу дня я оклемалась, была выбрана старостой группы и представлена куратору, с которым мне придется общаться на протяжении трех лет. Мое группе повезло: нашим куратором стал **Владимир Анатольевич Капцев**, доцент кафедры литературно-художественной критики. И если на первом курсе мы встречались не так уж и часто, то на втором, с появлением в расписании русской литературы, наши встречи стали систематичными.

А вот насколько повезло первому курсу с кураторами, я решила узнать у самих студентов.

Так, студентка первой группы **Екатерина Проль** считает, что куратор должен решать все организационные вопросы, например, на носу День первокурсника – и Раиса Ивановна Мелешевич помогает своей группе подготовить визитку.

Но далеко не всем так повезло. Кто-то видел своего куратора от силы два раза, а некоторые даже не знают, как его зовут, а все общение ограничивается банальным «здравствуйте» при случайной встрече в коридоре журфака. Все вопросы приходится решать

самим, иногда это кажется непосильным трудом, а надеяться в принципе и не на кого.

Но не все так плохо. В большинстве своем кураторы трудятся на благо групп. Они занимаются всей документацией, держат в своих руках организаторские вопросы и помогают разобраться в сложных ситуациях, возникающих в коллективе.

Если у одних появились проблемы с их кураторами, то у других ситуация кардинально другая. У них не один, а целых два куратора. Так повезло пятой группе, специальность *Web-журналистика*. Первый и официальный их куратор – это **Дмитрий Николаевич Дроздов**, а второй – кто бы вы думали? Уверена, что все читающие поняли, что я имею в виду **Александра Александровича Градюшко**. Несмотря на то что у него уже есть одна группа на втором курсе, он с радостью взял под свое крыло еще определенное количество вебов. Староста пятой группы первого курса **Виктория Шаколина** отмечает, что иметь двух кураторов очень удобно.

– Если у меня возникают какие-либо вопросы относительно документов, общежития, расписания и т.д., то я смело могу обратиться за помощью к Дмитрию Николаевичу. Ну а когда

мы хотим больше узнать друг о друге и познакомиться с ребятами нашей специальности, которые учатся на курс старше, то по этому вопросу я пришла к Александру Александровичу.

Антон Сурягин, студент пятой группы, считает, что в идеале куратор должен заниматься оформлением всяческих документов и разбирать конфликтные ситуации, возникающие в группе. А со всеми остальными вопросами в принципе может разобраться и староста.

А вот что по этому поводу думают сами кураторы.

Раиса Ивановна Мелешевич, куратор первой группы первого курса:

– Для меня кураторство – это очень ответственное занятие. Понимаю, что многие студенты-первокурсники вылетели из родительского гнезда и нуждаются в советах, помощи, да и просто добром слове. Я впервые работаю куратором, поэтому для меня многие вещи внове. Например, студентка может позвонить в семь утра с жалобами на температуру и головную боль, либо обратиться с вопросом поздним вечером. Вхожу в положение, даю советы, помогаю и поддерживаю. Естественно, на пятом курсе таких вопросов уже никто не задает, но когда-то все были молодыми и неопытными, порой не знали, что нужно делать в той или иной ситуации. Поэтому обращаюсь ко всем: любите первокурсников и помогайте им!

Андрей Викторович Катренко, куратор шестой группы первого курса:

– Кураторство – это

прежде всего ответственность. Вообще, такой опыт у меня впервые, я не ожидал, что мне дадут курировать группу. Пока что я не могу слишком много уделять внимания ей, потому что совмещаю работу куратора и заведующего лабораторией с преподавательской деятельностью. Но если кто-то ко мне обращается за помощью, то всегда помогаю, никогда не отказываю. Куратор – это почти то же самое, что классный руководитель, только с меньшей надзорной функцией.

В начале учебы недостаточное внимание кураторов кажется проблемой, так как психологически тебе еще требуется поддержка взрослого, но позже понимаешь, что куратор – это не мама, не папа и даже не классный руководитель, которого можно было беспокоить по каждому мало-мальскому вопросу. Для этого существуют старосты и остальные одногруппники, которые не такие беспомощные, как может показаться.

Оксана ДОБРУК

КУРАТОРЫ 1 КУРСА:

1 группа. Раиса Ивановна Мелешевич

2 группа. Наталья Александровна Федотова

3 группа. Екатерина Александровна Гуртовая

4 группа. Александр Сергеевич Запольский

5 группа. Дмитрий Николаевич Дроздов

6 группа. Андрей Викторович Катренко

7 группа. Людмила Ивановна Мельникова

8 группа. Алексей Васильевич Забайлович

9 группа. Тамара Антоновна Ягелло

10 группа. Петр Петрович Жолнерович

11 группа. Федор Валентинович Драбеня

12 группа. Татьяна Витальевна Конюшкевич

13 группа. Елизавета Викторовна Ивченкова

Работа на радио: фонтан идей важнее красивого голоса

Вы просыпаетесь. Чистите зубы, пьёте кофе, завязываете галстук или красите губы – и всё это не в тишине. Громкоголосые бодрые ди-джеи вместе с неподкупно-серъёзными новостными журналистами готовы каждое утро будить своего слушателя. Их работа продолжается: в полдень активно информировать и развлекать, вечером подводить итоги дня и прощаться, чтобы завтра быть услышанными снова. В каждый дом летят с радиоволнами новости. Моя цель не рассказ об устройстве беспроводной связи; думаю, вам будет гораздо интереснее узнать в подробностях, как распоряжаются рабочим днем белорусские радиожурналисты.

Заочный урок-беседу будут вести радиожурналисты МГТРК «Мир» и именно те, кто работает с самыми серьезными, сложными, скользкими темами. Дополняя друг друга, шеф-редактор службы информации **Алексей Аникович** и ответственная за политические и экономические события радиожурналист **Анна Иваницкая** рассказывают о своей работе.

Алексей Аникович (в дальнейшем А.А.): Распорядка, на самом деле, нет никакого. Мне приходится думать о работе постоянно: какие темы у меня есть, что требует Москва, что нужно для местного эфира (МГТРК «Мир» вещает на все страны Содружества, управляющий орган находится в Москве – прим. автора).

Анна Иваницкая (в дальнейшем А.И.): А мой рабочий день строится примерно так: в 10 часов утра пленарные заседания, в 11 – пресс-конференции, потом заседания в штаб-квартире СНГ. Потом мы возвращаемся на радио, даем синхроны в новости, делаем репортажи на вечер.

Готовим новостной сюжет и программу

А.И.: В основном, все новостные сюжеты строятся на методе интервью. Записываем собеседника на диктофон, при этом желательно разговорить его, чтобы он отвечал красочно, без штампов. Пишем текст для ведущего, в котором сначала упоминается главная новость,

Фото из личного архива Алексея Аниконича

а в подводке объясняется, почему новость будет интересной радиослушателям СНГ. В самом сюжете можно оторваться как хочешь: он может быть сделан в жанре и радиопортрета, и прямого репортажа. У меня стандартные только концовки сюжетов, где я даю или уточнение, или интересную подробность, или планы на будущее. А ты, Алексей, расскажи, чем новостной текст для радиосюжета отличается от аналогичного для телепередачи или, например, от заметки в газете.

А.А.: Он легче по конструкции, в нем не должно быть нагромождений из причастных и деепричастных оборотов. Ко мне приходили студентки, которые прежде работали в газете. Их тексты отличались от требуемых. На радио время ограничено, и в полторы-две минуты надо вставить самое главное. А на телевидении большую роль играет картинка, она может спасти сюжет даже при неудачном тексте.

А.И.: Что касается программы, то ее надо готовить несколько дней. Без нововведений она живет один сезон, то есть год. Когда разрабатываешь свой проект, pilotные выпуски кошмарные – еще нет никаких палочек-выручалочек. Нет ни контактов, у кого можно было бы взять интервью, ни механизма, как это делается. Возьмем, к примеру, мою программу «Кинометраж». Для того чтобы ее наполнить, обязательно следует отсматривать все новинки, которые выходят на киноэкранах. Мне помогает дружба с киновидеопрокатом, я посещаю собрания цензурной комиссии. У нас в программе есть подрубрика «Это надо видеть», и мне надо выбрать, какой фильм посоветовать радиослушателям. И при этом избежать

гневных звонков от недовольных. С подготовкой «Кинометража» я засиживаюсь на работе до 10-11 часов вечера.

Кто есть кто на радио

А.И.: Ди-джеи и радиожурналист – это разные вещи. У ди-джеев функции массовиков-затейников, они должны поднимать настроение, а мы, радиожурналисты, стараемся улучшать качество жизни человека. Мы хотим, чтобы наш проснувшийся слушатель попадал в одну струю с потоком информации. Мы предоставляем ему сведения: вырос или упал курс доллара, будет ли дождь и следует ли взять с собой зонт. А ди-джеи говорят «Доброе утро! Улыбнитесь, день сегодня пройдет хорошо». У нас на «Мире» есть и радиожурналисты и ди-джеи, но эта грань постепенно стирается, и в следующем сезоне, наверное, сотрется окончательно.

Радиожурналист – птичка певчая?

А.И.: Это очень спорный вопрос, обязан ли радиожурналист иметь красивый голос. Я бы сказала, что он должен много работать над собой, чтобы у него был слушабельный голос. Я даже не знаю, брали ли мы на радио людей, у которых первоначально было беспроблемное произношение. Если докопаться, у любого человека можно найти много несовершенств речи.

А.А.: Может прийти начитываться претендент на работу, и у него окажется божественный голос, а потом выяснится, что он два слова связать не может, боится микрофона. Многие молодые специалисты, которые приходили устраиваться к нам, прежде всего обращали внимание на постановку голоса. Этого недостаточно. Главное, чтобы желающий стать радиожурналистом умел контактировать со всеми людьми, был активным, фонтанировал идеями, потому что главный редактор может сказать: «Вот давай-ка ты к следующей неделе сделаешь pilotный проект новой программы». И если человек ничего не может придумать, дальше будет работать проблематично.

**Беседовала
Ирина ЦУМАРЕВА**

Увага! Пoшук!

Гэты артыкул для таленавітых, крэатыўных, творчых асоб. Для тых, хто жадае пазнаёміцца з беларускімі пісьменнікамі, паэтамі, мастакамі, актёрамі. Хто імкнецца трапіць у дзіўны свет Мастацтва, каб раскрыць яго і перад звычайнымі людзьмі. Калі гэта ўсё пра вас, то дазвольце перадаць вам запрашэнне ад самога дырэктара рэдакцыйна-выдавецкай установы «Літаратура і мастацтва» – Алеся Мікалаевіча Карлюкевіча.

– Алеся Мікалаевіч, да супрацоўніцтва ў якіх накірунках вы запрашаеце студэнтаў?

– У першую чаргу мы былі б рады, калі б з намі супрацоўнічалі ў стасунках з газетай «Літаратура і мастацтва» (акрамя яе ў рэдакцыйна-выдавецкую ўстанову «ЛіМ») уваходзяць часопісы «Полымя», «Маладосць», «Нёман», «Бярозка» і альманах «Вожык»). Таму што ўсё ж такі газетны волыт першапачатковы. А пасля, відаць, ідзе публіцыстыка альбо крытыка для часопіса. Але, акрамя гэтага, я ведаю, што ў Інстытуце журналістыкі вучыцца шмат тых, хто спрабуе свае сілы ў літаратурна-мастакай крытыцы. І мы б былі гэтаму таксама рады: свежаму літаратурна-крытычнаму воку, якое б да нас прыйшло менавіта з кагорты аўтараў-студэнтаў. І трэці накірунак нашых зносін, безумоўна, гэта мастакія творы. Калі хто спрабуе сябе ў прозе або ў пазі, для тых перш за ўсё ёсць часопіс «Маладосць». Але таксама і старонкі газеты «Літаратура і мастацтва», дзе вельмі часта выступаюць з першымі проблемамі пяра студэнты не толькі Інстытута журналістыкі, але і іншых вну краіны.

Мы ведаєм, што не ў першую чаргу, відаць, студэнты Інстытута журналістыкі цягнуцца да нашых выданняў, таму што ўсе ж такі мы больш спраектаваны на асвяленне літаратурна-мастакага жыцця: пытанняў нацыянальнай культуры, кіно, выяўленчага мастацтва, кнігавыдання і г. д. Журналіст больш сацыяльная істота. Ен у пер-

шую чаргу павінен працаўца над праблемай, якая найболей актуальная ў грамадстве. Але і мы таксама працуем на патрэбы яго. Таму што пішам не толькі пра культуру, але і пра грамадскія праблемы, пра сацыяльнае жыццё, пра этнографію, пра фальклор. Пагэтаму, калі хто ўважліва паглядзіць старонкі нашых часопісаў, газеты, то ён, мне здаецца, можа знайсці дзялянку для сябе.

– Як і да каго можна звярнуцца студэнтам са сваімі ідэямі, прапановамі, творамі?

– Для гэтага лепш за ўсё зносицца з галоўным рэдактарам альбо рэдактарамі аддзелаў. Рэдакцыі дастаткова структуры-

раваныя, кожны з рэдактараў аддзелаў вядзе свой накірунак. Яшчэ лепш за ўсё папярэдне абгаварыць тэму.

– Можа, існуюць нейкія спецыяльныя патрабаванні да студэнтаў?

– Абавязкова трэба ведаць праблематыку выдання. Усе ж такі, каб прыйсці на працу нават з новымі крэатыўнымі ідэямі, якія, здаецца, пे-равернуць і гэтае выданне, і ўвесы свет, трэба ведаць і старую кухню. А ўсё астатніе – звычайныя журналістскія патрабаванні: здольнасць убачыць тэму і сабраць фактаграфічны матэрыял, цудоўнае веданне мовы, да якога мы ўсе імкнёмся,

і, канешне, адказнасць у арганізацыі сваёй працы і ў характеристы зносін з рэдакцыяй.

– Значыць, спецыяльная падрыхтоўкі ў вобласці культуры вы не патрабуеце?

– Прыйсці можа чалавек і з невялікай падрыхтоўкай, але з вялікім жаданнем асвойваць новую тэму. Справа ў тым, што кожны павінен вызначыцца: ён будзе працаўцаў як журналіст, які піша пра выяўленчае мастацтва, альбо як журналіст, які піша пра кіно. І пачаць цікавіцца прадметам сваёй працы. Проста выконваць заданне рэдакцыі – мала. Такія журналісты, як правіла, не маюць перспектыву.

– На якім курсе лепш за ўсё ўжо мець уяўленне пра будучую працу?

– Думаю, трэба пачынаць з першага курса, але не з першага верасня. Трэба паглядзець, якія дысцыпліны ёсць на факультэце, спланаўваць свой час, знайсці ў ім месца для практычнай работы. І ўжо з другой паловы першага курса не трэба губляць час, а прыходзіць на практыку. У нашай работе практычная дзейнасць займае вельмі істотнае месца.

– Але ці забіраеце вы студэнтаў на працу па размеркаванні?

– Я не хацеў бы безапеляцыйна разглядаць гэтае пытанне, але, што датычыць тых, каго мы ўзялі ў штат яшчэ падчас вучобы, то мы разглядаем іх як будучых нашых супрацоўнікаў. Было б прыемна, каб яны засталіся ў нас.

Так што, паважанае спадарства, вызначайцеся. І, калі гэта «ЛіМ», смела тэлефануйце ў рэдакцыю. Паверце: вас, таленавітых, адказных, з мноствам ідэй, там шыра чакаюць.

**Гутарыла
Наталля КУХАРЧЫК**

СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ, «РУЧНІКІ»

У суботу Янка
Ехай ля ракі.
Пад вярбай Алёна
Мыла ручнікі...

Так начинается песня, мотив которой прозрачный и звонкий, как речная струя на перекате, знаком нам, порою кажется, чуть ли не с самой колыбели. Над светлыми водами реки звучит столь же чистая, трогательная мелодия любви, история чудесного ее пробуждения.

Дослушаем песню до конца. Пусть стройно дозвенит хор голосов, наполнит душу радостью. Пусть доскажет нам, как все это было, вплоть до финала, когда для Янки и Алёны, замерших в поцелуе, «на ўсёй зямлі» наступает тишина, а белоснежные рушники уплывут по течению в неведомую даль.

Своей ли напевности, предельной ли ясности и доступности музыки, тонкой ли шутке-лукавинке (как нежданно-негаданно сменила гнев на милость неприступная Алена!) обя заны «Ручнікі» тем, что они как бы сливаются и роднятся с белорусскими фольклорными песнями. Возможно, именно эта схожесть и «повинна» в том, что «Ручнікі» вначале на некоторое время как бы покинули своего композитора — на пластинке с записью Государственно го народного хора БССР значится: «Ручнікі», народная песня». «Белорусская народная песня» — читаем и на диске «Песняры».

Но это — записи довольно давних лет. Теперь же, звучат ли «Ручнікі» на концерте, в радио- или телевизионной передаче, обязательно называется имя их автора — самодеятельного композитора Николая Петренко.

Давайте заглянем к нему домой, в Полоцк. Придет Николай Макарович тепло, сердечно. Привечать гостей ему не впервые, их у него немало перебывало. Многие наши белорусские писатели и композиторы приходятся ему хорошими друзьями и, приезжая в древний город, обязательно навестят старого знакомого.

В непринужденном разговоре хозяин выкажет себя приятным, интересным собеседником, а уж если займет речь о литературе, о музыке, о песне народной, то тут Николай Макарович воодушевится необыкновенно. Он и любимые стихи негромко, с

чувством продекламирует, и памятный, дорогой сердцу мотив напоет.

Лицо его серьезно, задумчиво. Не часто трогает его улыбка, но взгляд из-под больших очков в темной оправе неизменно приветлив, он согреет вас, в нем откроется доброта сердечная, дар, которым он щедро наделен.

Эту доброту хранят в себе многие его ученики — выпускники Полоцкого педучилища, где без малого двадцать лет преподает он белорусский язык и литературу. С Урала, Памира, Казахстана пишут своему наставнику те, кто уже сам давно учит детей. «Вы были всегда требовательны к себе и к нам, Вашим ученикам, всегда справедливы, принципиальны... Сколько хорошего, ценного взяли мы из Ваших уроков, дорогой Николай Макарович, уроков доброты и справедливости, без чего нельзя правильно на земле жить...»

Ветерану училища присвоено звание заслуженного учителя БССР.

Но наш рассказ — о самодеятельном композиторе, авторе многих песен, среди которых «Ручнікі» — Николай Макарович точно помнит это — были двадцать седьмыми по счету.

Как же автор отнесся к тому, что она, ставшая столпом широко известной, на время как бы покинула своего создателя и была причислена к народным песням?

— Если и была легкая горечь забытого авторства, то она затем сменилась гордостью. Народная песня — более высокой оценки своему произведению я не желал. Я люблю народную песню, преклоняясь перед ней. Люблю за музыку от жизни, от родных нив, за мелодию и слова, отшлифованные безымянными творцами до совершенства. Стремлюсь, как умею, чтобы мои песни звучали так же искренне, от души. Как звучит в моей памяти множество грустных и веселых мелодий, которые услышал на Беларуси, в родном Полесье, где прошло мое детство.

В Полесье, в страну его детства, под Наровлю теперь наш путь. Туда, где и лет пятьдесят тому назад так же спокойно несла свои воды Припять, а на одном из ее берегов стояла его родная деревенька Барбаров.

В Барбарове жил со своей семьей рыбак. Сам к нелегкому промыслу сызмальства приученный, он и сына Николая стал рано брать с собой в рыболовецкую артель, чтобы привыкал своими руками зарабатывать на хлеб. Мальчику полюбилась такая жизнь — в труде, в общении с людьми, с природой и... с музыкой. Музика, доступная восприимчивому, тонкому слуху мальчика, была вокруг.

Жила она в шелесте прибрежных камышей, звенела речными водами, поскрипывала веслами в уключинах. (За весла, между прочим, приходилось браться не только на промысле. Школа была неблизко, в Юровичах, и кратчайшей дорогой туда была Припять.) Вечерами пели на берегу девушки. Много песен знала мать, особенно хорошо звучали у нее задумчивые, грустные. И сейчас вспоминаю щемящий, за душу хватавший напев «А ў полі вярба...» Любил музыку и отец, в его натруженных руках оживали мандолина, скрипка, гармошка. Обучил и меня игре...

Музыкальную грамоту Николай изучил, будучи студентом Минского педагогического института, когда стал играть на домре в студенческом оркестре. Окончив вуз, два года проработал в оркестре народных инструментов Белорусского радио.

Накануне войны его призвали в армию. Он стал солдатом-минометчиком, служил в Литве, на самой границе. В первый же день войны получил тяжелое ранение. Очнулся в плену у врага, за ключей проволокой. Эбенроде, Филлингратен, Браунштейн и еще восемь концлагерей... Последней была плавучая тюрьма «Кап-Аркон», на борт которой на исходе войны, когда фашистский рейх уже агонизировал, погрузили тысячи узников. Из них чудом осталось в живых несколько десятков человек. В их числе оказался и Петренко.

Вот сколько он увидел и пережил. Но — сквозь все это пронес он и сохранил веру в светлое — в любовь, в справедливость, в музыку...

Где бы ни трудился Николай Макарович, всюду его знали как неутомимого организатора художественной самодеятельности. Работая в Лепельском педучилище, он

создал сводный хор учащихся и учителей. Учились в Ветринской школе-интернате, Николай Макарович и тут создал хор. Когда приехал в Полоцк, в педучилище было всего пять-шесть музыкантов-энтузиастов. Сейчас их здесь восемьдесят человек.

Для самодеятельности написал педагог и свою первую песню.

— Тогда, лет двадцать пять назад, работая над «Мяцеліцай», я и не подозревал, что это — начало целенаправленного творчества, что оно будет иметь продолжение. Просто две наши самодеятельные артистки, Аня Гурко и Татьяна Гиршевич, прошли на республиканский смотр-конкурс. Нужна была им легкая, в быстром ритме песня. Я принялся перелистывать журналы и нашел стихотворение Александра Ставера. Полушутливое, про Юрочку, которую все наперебой уговаривали жениться. Песня получилась веселая, с задорным припевом.

За первой песней последовала вторая, третья...

— В 1959 году в журнале «Полымя» прочитал стихотворение Веры Вербы, в ту пору — студентки БГУ. Текст понравился, и я стал сочинять музыку. Сначала получилось что-то банальное, похожее на вальс. Начал заново. Работал больше трех месяцев... И вот — «Ручнікі»...

Есть у Николая Петренко немало других хороших, ставших известными, песен, но у «Ручнікі» особая судьба.

Впервые песня была исполнена в 1959 году хором совхоза «Островно» на областном смотре художественной самодеятельности, и с этого времени суждено было «Ручнікам» плыть в дали дальнние. Песню подхватили города и села нашей республики, полюбилась она на Украине, в Молдавии, Сибири, на Дальнем Востоке, знают ее в Польше, ГДР, Бельгии, Канаде...

И сегодня «Ручнікі» продолжают свое плавание — от человека к человеку, от сердца к сердцу.

П. ВАСЮЧЕНКО

Шукайце таямніцу!..

“Журналістыка вельмі часта пачынаецца з загадкі”, — гэтач мой суразмоўца, кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры літаратурна-мастацкай крытыкі Пятро Васільевіч Васючэнка патлумачыў, чаму менавіта гэты артыкул вырашыў прапанаваць для чарговага нумару “ЖурФАКТАЎ”.

— Ёсць такі прыём сярэднявечнай прозы: спачатку мы маем нейкую загадковую з'яву, абсалютна невытлумачальную, а потым вакол яе пачынае разгортацца тэкст. У гэтым выпадку — загадка аўтарства песні. Артыкул быў надрукаваны ў “Нёмане” № 10 за 1980 год. Па сутнасці, мая першая публікацыя ў тоўстым часопісе. Шмат у чым гэты тэкст вучнёўскі — ён быў напісаны, калі мне быў 21 год, падчас перадыпломнай практикі.

Як тады, так і цяпер “Нёман” выходзіў на рускай мове, бо задумваўся як рускамоўнае выданне, місія якога было рэпрэзентаваць беларускую літаратуру ў свеце. Часопіс выходзіў накладам больш за 70 тысяч асобнікаў і распаўсюджваўся па ўсім Савецкім Саюзе.

Хацелася зрабіць маленькае адкрыццё. Рубрыка “Вчера. Сейдня. Завтра” мела мэту напісаць пра тое, чаго ніхто не ведае, пра нейкі эксплюзіў, які адбыўся ўчора, сёння ці адбудзеца заўтра. Нейкая знаходка. Для мяне знаходкай была загадка твора, які лічыўся народнай песняй.

“Ручнікі”... Дзе б ні спявалі гэту песню, абсалютная большасць людзей лічыла, што яна народная. Спявалі яе нават нашыя эмігранты ў Канадзе, у Амерыцы, у Аўстраліі. А я з ускосных крыніц даведаўся, што ў песні ёсць аўтар, і аўтар гэты — мой зямляк, настаўнік беларускай мовы з полацкага

педвучылішча (зараз педагогічны каледж). Міколу Пятрэнку там і цяпер памятаюць і ўзгадваюць добрым словам. Вельмі незвычайны быў настаўнік. Чалавек-рэліквія.

Але ўсё пачалося з тэксту: загадкай для мяне была песня, а прозвішча Мікалая Пятрэнкі было проста прозвішчам. Адкрыццё чалавека адбылося ўжо потым. Я помню, калі гутарыў з ім, не ведаючы, спытаў: “Па-беларуску з Вам можна? Будзеце адказваць?” А ён кажа: “Дык я ж настаўнік беларускай мовы. Натуральная, будзем па-беларуску гаварыць.” Я пабачыў чалавека — адoranага, самавітага кампазітара, чалавека з такім незвычайнym лёсам: плавучы паром “Кап-Аркон”, на якім ён апынуўся некалі, гэта ж агульнавядомая старонка другой сусветнай вайны...

Калі ўсе гэтыя факты я вываліў свайму рэдактару, ён склапіўся за галаву і сказаў: “Што-небудзь адно! Што-небудзь адно!” Бо зарадта многа для адной “учараашкі”. Разумееце? Столкі нагрувашчана такіх незвычайных фактав! И мы пакінулі толькі песню і яе аўтара.

Канешне, тэкст створаны ў кантэксце свайго часу. И трэба сказаць, што мы з майм рэдактарам пераступілі забароненую мяжу. Маленькая публікацыя, гэтыя “учараашку”, на якія ніхто не звяртае ўвагу...

Калі б гэты артыкул надрукавала тагачас-

Фота з асавітага архіва Пятра Ващенка

ная “Звязда” ці “Советская Белоруссия”, дык уляцела б рэдактару, таму што калі імя хавалася, то гэта было невыпадкова. Сам Пятрэнка выклікаў падазрэнне ўжо тым, што паслядоўна і паўсяль размаўляў па-беларуску. Гэта папершае. Па-другое, быў адзін зацікаўлены чалавек (імя я не буду называць), які не хацеў, каб адкрылася сапраўднае аўтарства гэтай песні. І па-трэцяе, нават на кружэлках (тых жа “Песняроў”) песня ішла як народная, значыць, гэта быў афіцыйны агульнапрыняты факт. А мы з рэдактарам яго абверглі. І таму гэты тэкст дарагі мне, бо выходзіць за межы афіцыёзу. Рэзанансу ён не меў — вядома, “учараашка”. Але справядлівасць была адноўлена.

Гутарыла

Марыся МАРКЕВІЧ

Институт журналистики, или институт благородных девиц?

На первый курс факультета журналистики зачислены 271 человек (без иностранного отделения): из них 223 девушки и 48 парней. Ситуация, как видим, не меняется – у нашего факультета по-прежнему остается женское лицо. Но ведь, то и дело, на журфаке ведутся разговоры, что руководители СМИ не хотят брать на работу девушек, предпочитая пополнить штат именно молодым начинающим журналистом. Так за кем же будущее белорусской журналистики: за девушками или за парнями? Наши авторы отстаивают свою точку зрения на спор-площадке, а вы, уважаемые читатели, можете присыпать свое мнение на наш ящик zhurfakty@tut.by.

ЖурналистКА до мозга костей
Наталья Кухарчик, свободно бегающая на шпильках:

– Молодые люди сами уступают нам дорогу в журналистику, сначала галантно пропуская в двери журфака, а потом – и в двери редакций, телестудий, рекламных агентств, издательств. С каждым годом дипломированных журналисток становится все больше, так что скоро медиабоссам придется выбирать не между Василией и Николаем, а только лишь между Ольгой, Мариной, Еленой, Людмилой, Алиной, Надеждой, Кристиной, Мартой и Анжелкой.

Но не только количеством мы завоюем рабочие места. Мы – девушки. Со всеми вытекающими отсюда последствиями: макияжем, прической, маникюром и шпильками. А все это, Евгений, еще как помогает работе. Нужно, скажем, взять комментарий к критическому материалу у главного инженера ЖРЭО. И вот заходит к хмуруму дяде в кабинет девушка. Улыбается. Да еще и в юбочке. Глядишь, и хмурый дядя-начальник тоже начинает улыбаться, приглашает присесть, предлагает кофе. А это уже стопроцентная гарантия того, что вас не выгонят из кабинета, как только услышат о том, что вы из газеты. И, значит, не придется писать запрос и бесконечно ждать, когда же на него ответят, и от редактора не влетит, что «принесла, мол, ста-

тью без комментария!». Дальше, хлопая накрашенными ресничками, нужно изложить суть вопроса, и добавить, надув губки, что злой-презлой главный редактор строго настрого наказал вам без комментария не возвращаться. Конечно, Евгений, вы можете сказать, что это непрофессионально. Но, как известно, на войне и в журналистике все средства хороши.

Хотя у того, что мы – девушки, есть и обратная сторона. Возможно, многие руководители СМИ предпочитают брать на работу именно журналистов, а не журналисток, ввиду будущих декретных отпусков последних. Но упрекать нас в этом – глупо и бессмысленно. Должен же кто-то обеспечивать мир маленькими девочками, которые через восемнадцать лет будут учиться в Институте журналистики!

А еще часто ссылаются на то, что мы – слабый пол. Неправда. Сломанный ноготь для нас не такое уж и большое горе, на шпильках можно бегать не хуже, чем в кроссовках. Женская дружба и правда существует, а вот понятие «женская логика» – нет. Поэтому нечего бояться, что мы превратим редакцию в ярмарку тщеславия и балаган. Да и, в конце концов, девушки ответственнее, решительнее, смелее, инициативнее и дисциплинированнее парней.

Так что, Евгений, уж извините, а нам – девушкам, в журналистике самое место.

Журналист по определению
Евгений Варакса, повар на информационной кухне:

– Для начала очень банальный, но жизненный, довод: если взглянуть в самые недра проблемы, а точнее в этимологию, журналист – слово мужского рода. Журналистка – только производное. Но это так, цветочки. Ягодки будут зресть с каждым последующим абзацем.

Немного перефразируя ваше, Наталья, высказывание, не меняя при этом суть, можно подумать, что «макияж, прическа, маникюр и шпильки» решение практических всех проблем. Мол, и комментарии вам хмурые дяденьки дают, и кофейком угостят. По-моему, чистой воды гипотетика. Все эти со слагательные наклонения применимы и к журналистам-мужчинам. А вот я приду на встречу к женщине-начальнику, сделаю комплимент, мило улыбнусь и, как вы написали, «это уже стопроцентная гарантия того, что вас не выгонят из кабинета, ...» К тому же, всё ваше «оружие» требует уйму времени для подготовки. Еще в древнеримские времена Вергилий знали, что «время уносит все». Куда и как быстро унесут вас ваши шпильки – вопрос интересный и спорный. Если только к артриту через пару десятков лет...

Но не будет пока забегать так далеко. Вернемся к более насущным проблемам. Не секрет, что парням легче учиться

в нашем Институте. Никаким образом не стоит сразу набрасываться с обвинениями и проклинаниями («ну вот, как обычно», или «я ради этого зачёта неделю не спала, а этому на халяву поставили», или..). Мы немного путаем причины и следствия. Такое отношение некоторых преподавателей к девушкам обусловлено не тем, что они девушки, а тем, что этих девушек абсолютное большинство. Исторически сложившийся факт, что самые творческие личности – это мужчины (хотя бы поищите имена шеф-поваров ведущих ресторанов). Из женщин, не учитывая последние пару столетий, навскидку вспоминается лишь Сафо. Дело в моей необразованности или признаете факт большего творческого потенциала у сильного пола? Для меня непонятно, почему так мало парней пробуют поступить на журфак. Возможно, а скорее точно, своё дело сделали 70 советских лет. В головах сограждан укоренилось понятие: раз мужчина, значит инженер, физик, математик и т.д. Надо выбираться из этих гендерных предубеждений.

Нижняя граница газетной полосы всё ниже, так что последний аргумент. Вы когда-нибудь подвергались пытке в виде монотонного резкого звука, атакующего ваш слух и повторяющегося постоянно? Стук бесконечного множества каблуков в узких коридорах журфака – что еще нужно, чтобы сойти с ума?

За кем будущее белорусской журналистики: за девушками или за парнями?

Жанна Щурок,
главный редактор газеты «Переходный возраст»:

– Будущее белорусской журналистики за теми, кто готов ею серьезно заниматься. А талант и трудолюбие не имеют половых признаков. И среди парней, и среди девушек есть яркие целеустремленные личности.

Не думаю, что в основе кадровой политики руководителей СМИ лежит половой признак. Проблема, скорее, в другом. Выбирая в школьном возрасте журналистику, молодые люди мало знают об особенностях этой профессии. Как правило, их выбор основывается на внешней привлекательности – стереотипе, навязанном шоу-индустрией. Больше ему подвержены девушки: так заманчиво улыбаться с телеэкрана и порхать в блеске шоу-бизнеса! На деле же все гораздо прозаичнее: ненормированный рабочий день, командировки, задания по выходным... Разочарование приходит позже,

к сожалению, одновременно и для молодого специалиста, и для его нанимателя. Вместо горящего взгляда и «убийных» материалов усталый главред получает отговорки, обиды и горестные стена-ния. Примеры? Сколько угодно: «такой ливень, а мне на «шпильках» в «тьму-таракань» ехать» или «на улице солнышко – а ты весь день сиди за «компом», чтобы успеть сдать этот материал в срок». Не будем уже напоминать об особенностях женской физиологии (к сожалению, ими барышни пытаются объяснять невыполнение нормы знаков и срыв графика прохождения полос), а также психологии с ее слезливо-истеричными настроениями. О святой миссии материнства лучше промолчим... А парни? Тоже встречаются субъекты. Но все же... В большинстве своем для мужчин не проблема отправиться в самую «распутицу» в командировку и оставаться ночевать в неотапливаемой гостинице райцентра. Для них – не вопрос «отдежурить» по номеру за находящуюся (между прочим, в третий раз за месяц) «на больничном» по уходу за ребенком коллегу. И, простите, парни не «загружаются» по поводу «поехавших» колготок, «домашнего ходильника, где мышь повесилась» и «той вон синенькой кофточки, которая так ужасно не идет Светке»... Жестоко? Ничего личного – только картинки с натуры...

Для девушек, ну ладно уж, и для парней тоже, которые решили связать свою жизнь с журналистикой, было бы неплохо за год до вступительной кампании попробовать себя в качестве волонтера в редакции. А что? Есть же такая практика в медицине за рубежом: хочешь стать врачом – поработай сначала санитаром. Выдержишь – благославим на профессию. Думаю, после пары-тройки месяцев ежедневной кропотливой рутинной работы в СМИ барышень, желающих штурмовать журфак, значительно поубавится...

Антон Васюкевич,
главный директор Первого национального канала Белорусского радио, доцент кафедры телевидения и радиовещания Института журналистики БГУ:

– Журналистика по гендерному признаку всегда была и остается в основном женской, хотя при этом самую блестящую карьеру обычно делают мужчины.

Думаю, такая ситуация сохранится еще надолго, но проблемы в этом я не вижу. У нас коллектив Белорусского радио в основном женский, в этом есть и свои плюсы, и свои минусы, но при приеме на работу мы каких-либо предпочтений по полу не делаем.

Главное – профессионализм, образованность, мобильность, стремление совершенствоваться и приобретать новые знания. А эти качества прекрасно сочетают в себе и парни, и девушки.

Юрий Козиятко,

генеральный директор ЗАО «Столичное телевидение»:

– Мое мнение – журналистов нельзя делить на парней и девушек, а надо делить на хороших и плохих! У нас на СТВ нет ограничений по половому признаку при приеме на работу. А будущее – за хорошими журналистами!!!!

**Подготовила
Наталья КУХАРЧИК**

Фото из личного архива Надежды Бужан

Надежда журфака

Я никогда не обладала какими-то экстраординарными талантами. Полгода занимий на гитаре так и не научили меня на ней играть, три месяца баскетбола – впустую потраченное время, а когда я начинаю петь, то вокруг сразу становится безлюдно и откуда-то издалека слышатся просьбы замолчать. Сначала я расстраивалась своим неудачам, а теперь смеюсь над ними: если это не дано, то ничего поделать нельзя. Помогут только или богатый папа, или твердый лоб, которым придется пробить немало стен, или немоверная усидчивость. К сожалению, у меня нет ни первого, ни второго, ни третьего. А есть люди, которым не нужно это великолепное трио, потому что в них талант не спит, а громко кричит о себе. Так, просто невозможно было не услышать этот крик даже во время обычного разговора со студенткой первого курса факультета журналистики Надеждой Бужан. Она удачно совмещает в себе отличные вокальные данные и острый журналистский ум, в чем я убедилась, побеседовав с ней.

звезд белорусской эстрады мне еще далеко.

– Поешь ли ты в душе?

– Пью везде, кроме душа.

– Есть ли какая-то мечта, связанная с пением?

– Не знаю, можно ли назвать это мечтой – просто совершенствоваться, развивать свои вокальные способности.

– Надя, какой наградой ты больше всего гордишься?

– Я лауреат третьей степени в международном фестивале искусств «Трикси» в Болгарии. Нужно сказать, что это не только моя заслуга, помимо преподавателя, который сыграл не последнюю роль (руководитель студии эстрадной песни «Виктория», где я занимаюсь + руководитель проекта «Как зажигаются звезды» – Ольга Мешкова-Швец), большую роль сыграла моя коллега по пению и очень хорошая подруга Оля Овчинникова. Мы пели в дуэте, а точнее, это была группа «Sparks». Если честно, то это был мой первый опыт в международных конкурсах, да и в конкурсах вообще. Правда, было еще первое место в хит-параде международного проекта МТРК «Мир» «Как зажигаются звезды».

– У тебя было когда-нибудь желание бросить музыку?

– Было. Когда мне было 11 лет, и мама повела меня в студию на прослушивание. Мне сказали, что я прохожу. Сразу мне понравилась идея заниматься вокалом, но потом, услышав, как поют остальные дети, у меня началась настоящая истерика. Возвращаясь домой с прослушивания, я чуть ли не плакала и говорила маме, что больше никогда туда не вернусь. Каким-то образом ей удалось меня успокоить и уговорить сходить хотя бы на первое занятие. Я сходила, вот и осталась до сих пор.

– Какой твой самый безбашенный поступок?

– Как-то однажды собрались вместе три сестрички на даче в лесу. Устроили пижама-пати. И вот наступила ночь. Конечно, спать не хотелось, настроение романтическое. Решили его еще больше «уромантичить», если можно так выразиться. Из окна вылезли на крышу и там встретили рассвет. Время пролетело быстро, пока все своими сердечными делами поделились, немного посплетничали, и рассвет наступил. Но картина была забавная: три сестрицы в пижамах и на крыше ночью.

– Почему выбрала журфак?

– Уже приходилось отвечать на этот вопрос во время вступительных экзаменов. Я уже третий сезон являюсь ведущей, а второй сезон – и автором сценариев, международного радио-проекта «Как зажигаются звезды». То есть, можно сказать, что работа журналиста для меня началась три года назад. Сначала не задумывалась о профессии всерьез, но потом втянулась и понравилось. Вот и решила поступать на журфак.

– Как ты думаешь, после поступления в университет ты будешь меньше внимания уделять музыке?

– Буду стараться успевать: уделять внимание и музыке и учебе.

Пока Надя учится всего лишь на первом курсе и еще не успела продемонстрировать нам свой талант. Но у нее впереди целых 5 курсов и чтобы порадовать нас своим пением. Будем с нетерпением этого ждать.

**Беседовала
Оксана ДОБРУК**

Три причины не любить столовую журфака

Несмотря на то, что сытое брюхо к учению глухо, пустьное брюхо о знаниях даже и не задумывается. Нельзя сказать, что столовая журфака не подходит в качестве места, где после прочтения «Гаргантюа и Пантагрюэля» можно заправиться калориями. Однако наряду с такими достоинствами, как вежливый персонал и хороший интерьер, столовая обладает рядом недостатков, хит-парад которых и будет представлен вашему вниманию.

Сперва о часах работы. Страждущие путники, обучающиеся во вторую смену, после четырех лишены возможности пропустить стаканчик-другой компота. А пары-то могут идти до семи! Поэтому ничего не остается, как покинуть здание альма матер и отправиться на поиски пропитания в какие-нибудь более гостеприимные заведения.

На втором месте стоит оперативность. Столовая журфака в часы пик напоминает СССР времен застоя – очередь кажется вечной. Что может быть лучше, чем простоять весь перерыв, раз в минуту делая шагок к заветной цели! Кассир сражается доблестно, но силы-то не равны. А ведь даже в самых убогих столовых, где порции наполовину состоят из тараканов, а котлеты делают из хлеба и ненависти, голодающих обслуживают хотя бы два кассира! Но ведь это так тяжело – оборудовать вторую кассу.

И, наконец, главное – цены. Людям, привыкшим вкушать яства в ресторане Bella Rosa, столовая журфака покажется, наверное, дешевой. Клеркам из окрестных офисов цены, очевидно, кажутся приемлемыми. Но если ты получаешь стипендию 150-180 тысяч, графа «стоимость» в меню выглядит сплошным издевательством. А если судьба занесла тебя в

какую-нибудь студенческую столовую – например, БНТУ, то и до инфаркта недалеко. Потому что обед, состоящий из супа, салата, пюре, компота и булочки обойдется там в 1800 рублей. А стакан сока стоит не 1260 ру-

блей, как на журфаке, а 500. Конечно, изысканной публике в столовой журфака предлагается филе рыбы, запеченное с сыром, но сердцу как-то милее две огромные котлеты, которые можно купить на эти деньги.

Евгений ГРУДАНОВ

Гость столицы

Да, вот и прошло время повального веселья, загорания на солнце, дачных вылазок, шортов-гаваек и пяти съеденных за день пачек мороженого. Редкое октябрьское солнышко в последний раз ласкает нас своими яркими лучами. Мы все, радостные и сияющие, вновь оказались в стенах любимого университета. И нам остается только делится воспоминаниями о былом лете. Кто-то ковырялся на грядках, кто-то загорал на пляжах, кто-то изнывал от зноя в городах с плавящимся асфальтом. А мой друг Сергей, который учился на третьем курсе Института журналистики, целое лето покорял Нью-Йорк. И вот его история.

Про то, как решился на поездку

Знакомые студенты рассказали мне, что уже ездили в Америку. Мне понравилось. Документы начал готовить с сентября. Конечно, поездка оказалась для меня дорогой. Я поговорил с родителями, и мы решили, что поехать все-таки стоит. Я вообще люблю путешествовать, открывать для себя что-то новое. А тут... США, Нью-Йорк, небоскребы... В голове полнейшая романтика. И желание заработать денег, конечно же. Чем больше, тем лучше.

О багаже и погоде

Я проходил регистрацию в аэропорту. На багажной дорожке осталось только четыре чемодана. Стою, чтобы забрать свой, смотрю – а его нет. Я тогда сразу подумал, что все начинается просто «супер». Хорошо хоть, что все документы и деньги на первое время у меня были с собой в рюкзаке. А то неизвестно, что могло со мной случиться. Покорение Нью-Йорка, скорее всего, закончилось бы, так и не начавшись. А так город встретил меня проливным дождем. Вообще, все американские города встречали меня дождями.

Бездомные ночи

Поездка в Америку –

это большая авантюра. Когда собирался за океан, то не думал о том, где и как буду жить, что есть и как найду работу. Все представлялось таким безоблачным и радужным: тусовки, новые знакомые, я в огромном мегаполисе... На деле оказалось все гораздо прозаичней. Я оказался ОДИН в ЧУЖОМ городе. Мне повезло – первую ночь я провел в колледже, заплатив за ночлег 35\$. Дело в том, что ночевал я в студенческой общаге, которая на время летних каникулпустует, и управляющие предлагают заночевать за символическую, на их взгляд, цену. Во вторую ночь я пробрался в общежитие незаконно. А вот третья ночь выдалась самой напряженной. Мне пришлось ночевать во дворе церкви, на лавочке. Я проснулся от того, что очень сильно продрог. Побрел к метро. Оказалось, что в Нью-Йорке оно работает круглосуточно. Там я и встретил утро. Моя четвертая ночь прошла в аэропорту.

Не родись красивым, а родись удачливым!

На пятый день пребывания в США я связался с девчонками из России, с которыми познакомился в аэропорту. Им повезло больше – они уже нашли жилье и пригла-

сили меня в гости. Мы сидели и пили чай, и тут к нам зашла какая-то женщина. Сначала она спросила у девушек, что за нелегалы у них тут в гостях, а когда узнала, что я из Беларуси и приехал сюда один, не имея знакомых, то обложила меня по полной программе. Оказалась, что эта женщина белоруска из Ивье. Она решила мне помочь и в два счета нашла квартиру в польском квартале. И вот когда я приехал на свое новое место жительства, то не мог поверить своей удаче. Ведь еще позавчера я ночевал у церкви и питался фаст-фудами, а уже сегодня лежу в собственной постели и смотрю телевизор.

Поиск работы и нечестные русские

Вообще, этот год был не совсем удачным для

поездки в США. Как-то так получилось, что именно сейчас наблюдается новая волна эмиграции из Мексики, Бангладеш... Устроиться на работу было очень сложно. Работодателю гораздо выгоднее нанять мексиканцев, которые готовы работать и за 3\$ в час, а тут заявились белорусы, которые меньше чем за 8\$ работать не хотят. Многие из моих знакомых устроились на работу в русском квартале. Казалось бы: две страны-побратимы, славяне, не должны обмануть. А оказалось все не совсем так. Люди не получали зарплату по несколько недель подряд. А я работал у человека, который занимается внутренней отделкой помещений. Помогал ему. Иногда за неделю мог заработать 700\$, а иногда только 300\$.

мира

Скидки и китайская лапша

Еда там, конечно, не такая, как у нас. Все генномодифицированное. Например, покупаешь хлеб или молоко, а они потом по неделями лежат и не портятся. И вкуса такого, как настоящие продукты, не имеют. Но я с самого начала питался фаст-фудами, а потом, когда заселился в квартиру, ходил в мексиканский супермаркет. Там постоянно проводились различные акции со скидками. А еще рядом с моим домом был небольшой китайский ресторанчик. Я так полюбил рисовую лапшу! Если честно, то уже скучаю по ней!

Соты и гетто

Где-то в середине июля в городе стояла

ужасная жара – днем температура поднималась до 45°C. На работе у меня были дни застоя. По ночам мучила жуткая бессонница. Я бродил по городу и разглядывал все вокруг себя. Все эти небоскребы, торчащие в небо шпили и свет в них навевали представление об огромном человеческом улье. Как будто все эти здания – просто соты. Нью-Йорк – это город, который никогда не спит. Город контрастов. Никто там не парится насчет архитектурного ансамбля, поэтому рядом могут стоять небоскреб издание XVII века. Там много крыс и грязи, везде валяется одноразовая посуда. Есть районы, которые называются «гетто». Там живут негры и латиносы.

Для тех, кто мечтает...

Лучше не пытайтесь строить грандиозные планы. Нужно четко осознавать, куда и зачем ты едешь. Одному, конечно же, будет интересно, но и гораздо сложнее. Такие путешествия – это не просто развлечаловка. Маминым сыnekам и папиным дочкам там делать нечего. Некоторые из знакомых мне ребят отправились домой уже через две недели пребывания за океаном. Но я рад, что остался. Теперь я более реально смотрю

на вещи. Я понял, что, как бы не была развита цивилизация, все вокруг нас – это дикий мир, в котором выживает сильнейший.

Татьяна КУРБАТОВА
Фото из личного архива Сергея

НЕБОЛЬШОЙ ПРЕЙСКУРАНТ

250-300\$ – жилье на месяц
90\$ – проезд метро+автобус на месяц
15\$ в день – еда
1,5\$ – бутылка колы

Татьяна Ивановна Пранович: «Смысл жизни – в самой жизни!»

«О, детство – это хорошо!»

Самые яркие впечатления от двух до пяти лет – это когда родители принесли из роддома мою любимую младшую сестренку Леночку. Мне тогда было три года и четыре месяца. Мама с папой до этого долго надо мной “работали”, ведь это всегда проблема, чтобы старший ребенок принял младшего. Я ее ждала. И вот сразу же решила выказать свое расположение. Родители положили сестренку на высокую железную кровать, а сами на кухне праздновали с родными. Я была одарена конфетами, и решила поделиться с сестрой. Когда я уже наполовину засунула шоколадную конфету в этот маленький ротик, предполагая, что выражают ну полную любовь, меня, к счастью, застала мама. Девочку спасли. Так сестричку я любила всегда, и позже у нас сложились замечательные отношения. А она после того случая просто обречена была стать сластеной.

«В школу я пошла в три года...»

В детский садик я никогда не ходила, потому что тогда с этим было очень сложно. Поэтому зимой я жила у бабушки в Костюковичском районе. Она у меня была школьной учительницей, и я с трех лет ходила к ней на уроки, а в пять лет писала диктанты для чет-

вероклассников, делая только одну ошибку! До сих пор ее помню – это было “завтра” с буквой “о”. Бабушка приводила меня в пример своим десятилетним ученикам. Также в детстве я часто проводила время в литературном музее Якуба Колоса, где мама работала экскурсоводом. Я могла бродить по всем закоулочкам, там, куда не попадали посетители музея.

«Скромная дочка»

В паспорте у меня местом рождения вписан Костюковичский район, родители оттуда. Они познакомились именно как земляки, папа учился на журфаке БГУ, мама – в педуниверситете. Я, вообще, дочка Ивана Чигрина. Надеюсь, вы не будете задавать вопрос “кто это такой”? А то у меня был заочник, буквально этой весной, который ну совсем не хотел читать. Говорит, я, мол, эту зарубежную литературу не люблю, я вот белорусскую знаю! Я так воспряла, а то уже, если честно, устала его слушать – ну надо ведь хоть что-то увидеть в человеке. Думаю, дай я ему скажу, что я дочка Ивана Чигрина, чтобы иметь полное моральное право завершить разговор. А мне в ответ – а кто это такой?.. Вы понимаете, что он ушел от меня несолено хлебавши и больше уже не приходит.

«Двойка по физике»

Фото: Анна Ткаченко

Я росла в книжной среде. Стеллажи, полные книг, – это было наше главное сокровище. Все, конечно, знают историю Солженицына. Я в то время была ещё школьницей, соответственно – пионеры, комсомол. Взять ребенка и рассказать правдивую историю – это было бы шоком. Отец поступил мудро. Я всегда занималась уборкой, пылесосила эти стеллажи, вечно находила себе что-нибудь интересненькое и читала запоем. Ну так вот, пылесошу я, смотрю – что-то торчит, а это, оказывается, “Один день Ивана Денисовича” Солженицына. Тогда, когда он был совершенно под запретом. Я даже не думала, что это отец подбросил, только потом осознала, что все это делалось специально, потому что я должна была это прочитать. Вообще, читательницей я была страстной! В пятом классе прочитала всего Жюля Верна, в шестом получила двойку за контрольную по физике, потому что всю ночь читала «Консульт» Жорж Санд.

«Не поступишь – домой не приходи»

После школы хотела стать врачом, занималась в “Юном медике”, на каникулах ходила дежурить в клиники, присутствовала на операциях, ухаживала за больными – все это в восьмом-девятом классе. А в десятом... Честно говоря, родители и родственники понимали, что чего-то мне не хватает для врачебной деятельности. Я паникерша по натуре. Видимо, родители это сразу поняли, поэтому отец однажды сказал мне: “Если не поступишь – домой не приходи”. Конкурс, между тем, пять человек на место. Так меня отвели от меда. Я просто струсila. И в десятом классе начала приходить в редакцию и заниматься делом, как считал мой пapa. В этом мне было легче, он, конечно, звонил в “Звезды”, в “Чырвоную змену”, меня там принимали.

«В первой командировке летала как космонавт»

Помню свою первую командировку от “Чырвонкі” после второ-

го курса в Копыльский район. Я поехала как нормальный человек, заселилась в гостиницу, пошла в райком комсомола, все было хорошо, пока я не вернулась в гостиницу. Там меня уже ждали... На машине приехал второй секретарь райкома партии. Оказывается, отец, очень беспокоился, как я буду себя чувствовать в командировке, позвонил туда – и дальше я летала как космонавт. Меня возили по всему району, рассказывали про овцеводство, которое только налаживалось, показывали все фермы. Но потом я все-таки попросила отца так больше не делать, потому что я по сути человек скромный. В конце концов, разговаривать с людьми я умела, нужно было самой всего добиваться. После университета я немного поработала в «Знамени юности», но а потом поступила в аспирантуру. И вот уже 25 лет, как работаю преподавателем журфака. Долгое время параллельно еще была зам редактора в «Переходном возрасте». Но там полностью сменилось руководство. Мне предложили остаться, но только с условием, что уйду из университета. Конечно, я не могла этого сделать. Хорошо мне было все те 13 лет, когда занималась журналистикой и преподавала. И всех это устраивало, но времена поменялись... Вообще, «Переходному возрасту» я многим обязана... Это лучшие годы моей жизни.

«С Гомером у меня полное взаимопонимание!»

Скажу честно, сейчас «Илиада» и «Одиссея» мои настольные книжки. Я читаю их практически каждую ночь. Когдато обнаружила, что эти книги меня успокаивают и помогают уснуть, если долго это не удается. Зачем тратить зря время, можно ведь совмещать приятное с полезным: я включаю ночничок, отворачиваю его в сторону от мужа, тяну руку на полку

и, не глядя, зная, где лежит Гомер, беру книгу и читаю с любой страницы. Вы знаете, наслаждение высочайшее! Я понимаю, что студенты с иронией воспримут эти слова. И на 1 курсе я осиливала «Илиаду» и «Одиссею» с такими же проблемами, как и вы. До них я дошла много лет спустя.

Вообще, курс «Античной литературы» я читаю только с 1995 года, до того вела «Историю зарубежной журналистики». Но тогда время было тяжелое, я как раз вернулась из второго декрета, короче, курс мой забрали и сказали: «Хочешь работать – бери «античку»!» Я взяла и с тех пор ни разу не сожалела. Сейчас уже не отдам никому! Вообще, мне очень повезло, у меня «античку» в университете читал Наум Исаакович Лапидус, автор учебника, личность просто легендарная. Его лекции вызывали фурор, но и требования высокие. Он нам не раз рассказывал, что переписывал произведения Гомера 50 раз. От нас требовал примерно того же... Нам нужно было иметь подробнейший конспект учебника, конспект его лекций (и попробуй только пропусти!), конспект всех произведений, и вот с этим мы шли на экзамен. Моя подружка, которая сейчас декан историко-филологического факультета Погоцкого университета, умница и отличница, получила двойку у него только за то, что в литературном дневнике было написано «Элиада». Согласитесь, «саблезубый монстр Пранович», как писали на журфаковском форуме, все-таки помягче.

А если возвращаться к Гомеру, то сейчас я осознаю, что это по-настоящему гениально, причем, с любой строчки, с любого фрагмента. И любой культурный человек в свое время дойдет до этого: и до Толстого, и до Гомера. А пока, что сделаешь, если «Войну и мир» надо в десятом

классе читать, Эсхила в восьмом, Шекспира в седьмом. Это просто наша беда! Приходят люди и читать абсолютно не любят и не умеют. Я просто ставлю себе целью на лекциях не столько изложить материал, а как-то заинтересовать, отправить в библиотеку хоть часть студентов! Ну а чтобы удачно сдавать мои зачеты и экзамен нужно немного. Опять же, хочу процитировать тот форум – «Попробуйте почитать!» тех же Гомера, Данте, Мольера, Гете. Это совсем не больно и не страшно. Конечно, нет прямой зависимости между количеством прочитанного и образованностью человека, но все-таки среда, в которой растет человек, формирует его личность. И душа должна трудиться, каждый день! А трудится она когда? Когда человек потрясен хорошей книгой, когда потрясён хорошим спектаклем.

«Познакомилась с мужем отчасти «по блату»

С мужем познакомились в стройотряде в Карелии после четвертого курса. Он случайно попал в этот отряд, но, как говорит сейчас, об этом не жалеет. А я вообще там «по блату» оказалась. На журфаке не было стройотряда, но у мужа подруги был знакомый на журфаке, который был командиром сборного стройотряда, который ехал в Карелию. Там я была просто поваром. Но хорошим поваром. Готовить умею, поэтому путь к сердцу моего мужа лежал классически – через желудок. Но был еще один случай. Нас, поваров, было два, и отдыхом для каждого считалось поработать вместе со всем стройотрядом. Мы прокладывали кабель. Конечно, нужно было рыть траншеи. Работали по парам. И вот я попала в пару к Володе (как оказалось, к моему будущему мужу). Он разбивал землю ломом, я выгребала лопатой. Только потом он признался, что ударил ломом

себе по ноге, но не издал ни одного звука, чтобы соблюсти своё реноме передо мною. А встречаться мы начали уже на пятом курсе. Увиделись в библиотеке – место встречи изменить нельзя. И вот мы 25 лет вместе. Старший сын оканчивает факультет прикладной математики БГУ, шахматист. Младший учится в колледже искусств на скульптора. Такой длинноволосый, художник.

«Главное – это научиться делать хорошо то, что ты делаешь сейчас»

Я очень хочу поездить по миру. Понятно, что все это упирается не только в свободное время. Время найдешь. Проблема все-таки в средствах. И муж проработал 25 лет в университете, и я. Я не говорю, что это очень уж плохо, но на Грецию и Египет не хватит. Это моя мечта. А что касается планов... Мне кажется, что смысл жизни в самой жизни. Нужно чтобы она была наполнена, чтобы ты сам себе не был скучен. Вы знаете, мы со студенческими подружками до сих пор встречаемся. Я говорю мужу: «Я пошла встречаться с девочками». Девочки – это обозреватель газеты «Белорусы и рынок», бывший редактор «Знамени юности», директор радиоканала «Культура». И меньше всего мы болтаем о всяких нарядах и перемываем косточки мужьям. Мы говорим о работе, о политике, о детях, конечно. Кстати, это Гете сказал, что смысл жизни не только в борьбе за свободу, но и в самой жизни. Вообще, по жизни было много девизов, в каждое время свой. Но главное – это научиться делать хорошо то, что ты делаешь сейчас. Поэтому мне важно сегодня, достучусь ли я до очередного первого курса. Мне кажется, вот такие маленькие, ежедневные цели как раз и составляют смысл моей жизни...

**Беседовал
Евгений ВАРАКСА**

Я работаю в «ЖурФАКТАХ» потому, что...

Фото из личного архива Юлии Пятковой

Фото из личного архива Евгения Варакса

Фото из личного архива Оксаны Добрук

Фото из личного архива Marysia Markevich

с.1 Я работаю в «ЖурФАКТАХ» потому что мне нравится участвовать в процессе создания настоящей газеты и писать на темы студенческой жизни. Многие факультеты выпускают свои СМИ. Журфак в этом плане должен не то что не отставать, а держать «марку» и задавать планку. А вместо этого у нас так долго не было постоянного издания. Теперь же, благодаря стараниям группы энтузиастов, родились «ЖурФАКТЫ». Их ценность в том, что это НАША газета, и она такая, какой мы сами ее делаем. Публикации интересны, потому что непосредственно касаются нашей жизни в альма-матер, ведь именно здесь мы проводим немалую часть своего времени. Тем более, приятно осознавать, что плод твоего труда не положат в долгий ящик. Да и где еще увидишь, что редколлегия состоит не из начальников подчиненных, а существует по принципу «друзья-помощники». Кроме прочего, работа в «ЖурФАКТАХ» – это дополнительная практика, без которой в нашем деле никак. В конце концов, мы еще только учимся.

Юлия ПЯТКОВА

Дорогие первокурсники, сие несколько строк специально для вас. У меня задание – привлечь вас к процессу создания «ЖурФАКТОВ». А чем же еще привлекать, как не искренностью! Ну так вот, пишите,уважаемые, в родную газету. Из плюсов: получаете незаменимую практику – раз. Будете узнаваемы по фамилиям среди преподавателей (кто поймет психологию преподов, может и сыграет это в вашу пользу на экзамене! Да и некоторые требуют публикации в процессе обучения – привет Татьяне Владимировне Подоляк!) – два. Третье, чем-то похоже на первое: если из штанишек районки вы уже выросли, а до модного приката серьезных изданий пока не дотягиваете, то в «ЖурФАКТАХ» вам и место! Вроде искренне получилось... Ждем-с!

Евгений ВАРАКСА

Я печатаюсь в «ЖурФАКТАХ» потому, что это первая газета о нас, сделанная нами. Интересно и познавательно стоять у истоков, видеть, как газета набирает обороты и привлекает новых студентов. Тем более, можно потихоньку набираться опыта, учиться работать в коллективе и лучше представлять себе работу журналиста. А еще некоторые скептически относились к выходу «ЖурФАКТОВ», считая, что они не нужны и совершенно бесполезны и лучше их либо вообще убрать, либо сделать онлайн изданием, поэтому теперь принципиально доказать, что мы сможем сделать хорошее издание.

Оксана ДОБРУК

Я працу ў "ЖУРФАКТАХ", таму што тут магу ўголос паразважаць над тым, што ёсьць якасная журналістыка і выкладцы свае і іншых людзей думкі на суд, спадзяюся, зацікаўленай аўдыторыі. А можа, неўзабаве, і справакаваць дыскусію!..

А яшчэ гэта магчымасць сваімі ідэямі, прапановамі, артыкуламі падтрымаць людзей, якія задумалі "ЖурФАКТЫ" і ператварылі задумку ў жыццё. Бо, жахліва думаць, яшчэ з паўгады таго Інстытут журналістыкі не меў уласнага выдання!..

Марыся МАРКЕВІЧ

Здесь может быть и твое фото!

А чтобы присоединиться к нам, звони по телефону: +375 (29) 88-676-44 или пиши на ящик: zhurfakty@tut.by.

Поверь: мы ждем именно тебя!

РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ПРАВАХ ВНУТРЕННЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ (БЕСПЛАТНО)

Главный редактор
Наталья КУХАРЧИК
дизайн, верстка
Егор ДУДКИН
Руководитель проекта
Наталья ТУМИЛОВИЧ,
преподаватель кафедры
периодической печати

Выходит один раз в месяц
на русском и белорусском языках.
Газета отпечатана в **Издательском центре Белгосуниверситета**

Адрес: пр. Независимости, 4,
г. Минск, 220050

Тираж: 50 экз., формат А4, 16 полос

При перепечатке ссылка обязательна. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Авторы материалов несут ответственность за точность приведенных фактов, цитат, цифр и прочих сведений.

ЖурФАКТЫ

ГАЗЕТА ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ
ИНСТИТУТА ЖУРНАЛИСТИКИ БГУ

Адрес редакции:
ул. Кальварийская, 9, г. Минск, 220004
тел.: +375 (29) 88-676-44
e-mail: zhurfakty@tut.by
http://www.journ.bsu.by